

Коммерсант - Daily N 194
14 ноября 1996г.

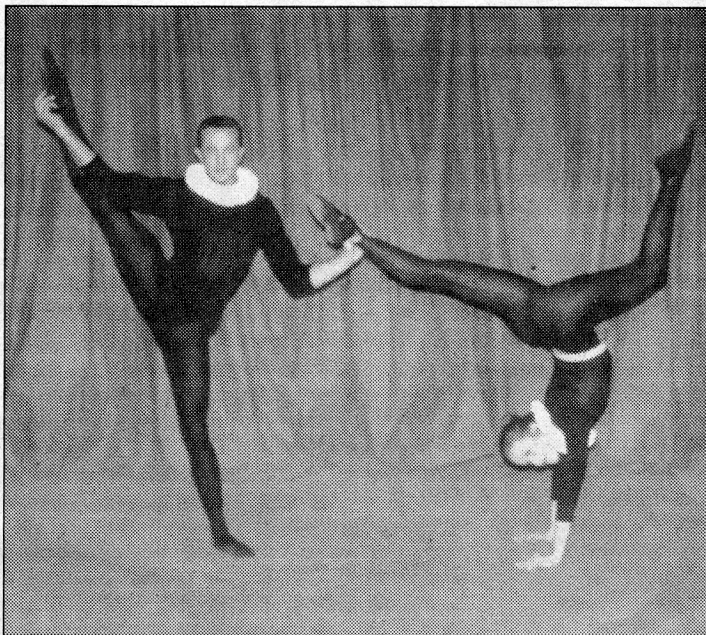
Театральная версия царевубийства

Ночь, кровь, любовь под куполом цирка

В московском Манеже завершилась премьерная серия спектаклей «Последняя ночь последнего царя». Если судить по числу и рангу деятелей политики и культуры, посетивших в эти дни Центральный выставочный зал, можно считать, что очередной проект агентства «Богис» стал — как и ожидалось — театральным событием ноября».

Существующее уже четыре года агентство выпускает спектакли редко, но забыть о себе не дает: слишком ярким, значительным и чуть-чуть скандальным был дебют. Принесшие славу антрепризе Галины Боголюбовой «N. Нижинский» (с Олегом Меньшиковым и Александром Феклистовым) и «Башмачкин» (моноспектакль Феклистова) создавались вне всяких правил — без традиционной драматургии и фактически без режиссера. С «Последней ночью последнего царя» все изначально обстояло иначе: был настоящий драматург — Эдвард Радзинский — и решившийся поставить его пьесу известный режиссер Валерий Фокин. Но, как ни странно, именно это внушало опасения.

Не то чтобы под сомнение ставился профессионализм режиссера или чутье продюсера — странной казалась сама идея спектакля, слишком явно грозившая обернуться спекуляцией на модной и выигрышной теме. Факт, что убийство царской семьи — трагедия и злодеяние, уже мало кто возьмется оспорить. Но и желающих понять, чем все-таки было царствование Николая Второго и, главное, — добровольный отказ от не-

ВИКТОР ВАСЕНИН

Соседство цирка с трагедией, по мнению режиссера, в природе русского духа

к которому привык перестроенный читатель и телезритель: тишайший, все понимающий и все приемлющий царь, благородная и гневная

царица, дети-ангелы — смысл и отрада жизни. И само отречение на станции Дно — по Радзинскому — есть выбор индивидуума между частной и общественной жизнью, сделанный в пользу первой: «Александра. Ты решил больше не воевать с ними. Они все ненавидели меня. Все эти ужасные слухи, что я выдаю какие-то тайны несчастным немецким родственникам... Я думаю, тогда у тебя остался только один выбор:

сомнение непогрешимость идеи служения чему бы то ни было. Но ведь Эдвард Радзинский пишет свою пьесу не в шестидесятые, а значительно позже — когда упоение от открытия в человеке свободной воли должно бы давно пройти, а на смену прийти что-то другое: например, осознание каждым своей роли и своего места. Отрекшись от престола за себя и наследника, Николай отказался и от отведенного ему на земле места

палача (начальник местной «чрезвычайки» товарищ Маратов, влюбившись в Анастасию, бежит с места будущей казни: и чекисты чувствовать умеют!) — ход настолько убедительный, что по сравнению с ним даже самый высший пафос соцреализма кажется верхом психологической достоверности.

Режиссер, видимо, чувствует эту искусственность и считает лучшим способом ее камуфляжа еще более искус-

очень много и не очень кстати. Но главная ставка делалась на актеров. «Последняя ночь...» — бенефис четырех звезд русского театра: Александра Збруева (Николай), Ирины Купченко (Александра), Михаила Ульянова (Юровский) и Евгения Миронова (Маратов).

И царь, и главный царевубийца сыграны исключительно хорошо. Купченко явно растеряна — слишком уж не похожа на прототип ее персонажа. От начала до конца, конечно же, вымышлен и герой Миронова — но артиста спасает умение эдаким чертом пройти по сцене и многое выжать из одной ноты. Больше других повезло Ульянову: его герой — старый большевик, которых актер немало переиграл и переиграл на своем веку (кстати, Юровский даже внешне похож на Ульянова-Ленина).

Внимание публики к событию такого ранга понятно, неясно другое: ради чего все-таки объединились усилия нескольких талантливых людей? Не ради же очередного призыва к «жалости и покаянию» — которые вряд ли уже чего-нибудь стоят без желания и умения осмыслить. Но именно этого авторы спектакля решили элегантно не принимать во внимание, спрятавшись за суровое видение финала: убиенная семья «живой картиной» предстает на парадном фото. Картина, спору нет, милая — но совсем не из той коллекции, которая досталась в наследство потомкам и Романовых, и Юровского.

ВИКТОР ВАСЕНИН

— выбирая таким образом не частную жизнь, а небытие.

«Запараллеливание» Николая с мелодраматической фигурой его несостоявшегося

ответственное сочленение жанров и форм: цирка с балетом, оркестра старинной музыки с фальшивым баяном «товарищей». Всего этого в спектакле